

АННА ДАШЕВСКАЯ

РАССЛЕДОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ ВЕРЕЩАГИНА

ТАЙНА

СИМЕОНА МЕТАФРАСТА

Расследования Алексея Верещагина

Анна Дашевская

Тайна Симеона Метафраста

«Автор»

2020

Дашевская А.

Тайна Симеона Метафраста / А. Дашевская — «Автор»,
2020 — (Расследования Алексея Верещагина)

«Осторожно выпрямив ноги, высокий широкоплечий мужчина с коротким ёжиком светлых волос недовольно повёл плечами. – Ещё ковёр-самолёт бы мне предоставили... – буркнул он. – Тоже мне, любые услуги... Говорил он негромко, так, чтобы водитель этого необычного экипажа не слышал. Не то чтобы он чего-то опасался – он, Франц Класхофен, маг-антиквар, владелец нескольких крупных магазинов... и кое-чего ещё, о чём не стоит знать широкой публике! Нет и нет. Просто Франц не считал разумным выказывать свои истинные чувства к тем, кто в данный момент серьёзно его выручает. Вот когда он залижет раны, встряхнётся, расплатится по всем долгам и получит свой козырь – вот тогда можно будет и помериться, кто сильнее...»

Содержание

Глава 1. 8 мая 2185 года от О.Д.	6
Глава 2. 9 мая 2185 года от О.Д.	17
Глава 3. 10 мая 2185 года от О.Д.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Дашевская

Тайна Симеона Метафраста

Осторожно выпрямив ноги, высокий широкоплечий мужчина с коротким ёжиком светлых волос недовольно повёл плечами.

– Ещё ковёр-самолёт бы мне предоставили... – буркнул он. – Тоже мне, любые услуги...

Говорил он негромко, так, чтобы водитель этого необычного экипажа не слышал. Не то чтобы он чего-то опасался – он, Франц Класхофен, маг-антиквар, владелец нескольких крупных магазинов... и кое-чего ещё, о чём не стоит знать широкой публике! Нет и нет. Просто Франц не считал разумным выказывать свои истинные чувства к тем, кто в данный момент серьёзно его выручает. Вот когда он залижет раны, встряхнётся, расплатится по всем долгам и получит свой козырь – вот тогда можно будет и помериться, кто сильнее.

Козырь, да...

Всё же у него отлично варит голова! Если бы в своё время он не сообразил создать второй гримуар, точную копию того эльзевировского тома, не осталось бы и тени возможности вновь его получить. Но всё сложилось отлично. В глубоких карманах службы магбезопасности осталась копия, а оригинал всё ещё дожидается своего владельца... там. В хорошем месте, которое Франц не называл даже мысленно.

– Да-да, – и он засмеялся. – Как говорил патер Браун? «Где умный человек прячет лист? В лесу!».

Пожалуй, если бы этот смех услышал психиатр, он бы присмотрелся к господину антиквару повнимательнее. Но беда в том, что не было более никого в экипаже – точнее, в летающей коробочке, вмещающей лишь водителя и пассажира, и Тьма знает каким образом держатся в воздухе. Класхофен посмотрел в окошко: во тьме не было видно почти ничего, лишь блеснул в лунном свете изгиб какой-то речки, да светился вдалеке не то костёр, не то окно какого-то дома.

«Интересно, на какой высоте мы летим?» – невольно подумал беглец.

Ну да, а как ещё назвать почтеннейшего антиквара, вынужденного удирать ночной порою, словно ворона, оставляющая в зубах кошки перья из хвоста?

– Тьма с ним, с Райзенем, – сквозь зубы пробормотал Класхофен. – И адвокат этот – барахло, десяток новых найду. Но они заморозили два моих счёта, отобрали артефакты и книги!..

В этот момент экипаж тряхнуло в воздухе, потом ещё раз, сильнее. Серебряная поверхность воды как-то рывком приблизилась, и пассажир забыл о протоях и убытках, вцепившись обеими руками в поручень.

Других доступных ему действий не было...

Глава 1. 8 мая 2185 года от О.Д.

{– Я не люблю подарков, – хмуро буркнул Корсо. – Было дело, кое-кто принял в дар деревянного коня. На этикетке стояло: ахейская ручная работа. Те идиоты и обрадовались.}

{Артуро Перес-Реверте, «Клуб Дюма, или тень Ришелье»}

За завтраком Суржиков так тщательно обдумывал новую роль, что даже и не замечал, что ест. Главная, по его представлению, сложность этой роли была в том, что играть её придётся одному, без партнера. Алекс ведь сказал, что будет заниматься детьми, так что на поддержку рассчитывать не приходится. Итак, значит, ему нужно найти подход к горничной, и это, скорее всего, окажется не очень сложно: женщина средних лет, в доме Шнаппса работает не так уж давно, года четыре, и хозяйка для неё всего лишь посторонняя нанимательница. А вот старая нянька... Тут можно поймать птицу удачи или лопухнуться всерьёз.

– «Так тихими шагами жизнь ползёт К последней недописанной странице...», – пробормотал он.

Рядом раздалось фырканье, и Влад, наконец, поднял глаза от тарелки.

– Слушай, ты странно разговариваешь, – сказал ему один из близнецов. – Будто бы и сам с собой, и в то же время с кем-то, кого здесь нет.

– Видишь ли...

– Я Стас, – сообщил мальчишка.

– Это хорошо. Видишь ли, Стас, у меня привычка такая. Когда я очень глубоко задумываюсь, начинаю цитировать пьесы.

– То есть, ты актёр? – спросил второй парень, точная копия Стаса. – Я Серж.

– Методом исключения догадаться было нетрудно, – усмехнулся Суржиков. – Ну да, и актёр в том числе. Вроде бы вчера нас познакомили?

– Познакомили. Ты помощник отца, это мы поняли. Только пока не решили... – начал говорить Стас.

– Ты такой же скучный, как был Весёлкин, или лучше? – закончил фразу его брат.

Их отец, до сего момента наблюдавший за экзекуцией молча, постучал по столу кончиками пальцев и сказал негромко:

– За синюю линию не заходить!

– Так точно! – в один голос ответили близнецы. – А можно, мы пока пойдём к себе?

– Нельзя, – сказала вдруг Софья. – Вначале мы должны решить вопрос с дежурством.

– В смысле?

– Аркадий Феофилактович уехал. Выясняется, что всё то, что делал один небольшой домовой, нужно распределять по всем членам коллектива. Мы с Барбарой можем взять на себя готовку. Остальное вы должны разделить между собой.

– Остальное – это что?

– Уборка, покупка продуктов, мытьё посуды, стирка, глажение белья, – слова падали в тишину за столом, словно металлические шарики в кастрюлю, с хорошим звонким «бамммс!».

– У-у-у! – горестно протянул один из мальчишек.

Второй же деловито спросил:

– А делить будем поровну?

– Делить будем по справедливости! – сказал Алекс. – У Софьи работа плюс сад плюс готовка...

– Я готова взять на себя посуду... после завтрака и после обеда, – заявила Катя.

Бурное обсуждение и делёж обязанностей затянулся вплоть до конца второго кофейника. Суржиков этого не слышал: он снова отключился и мысленно просматривал страницу блокнота с записями о Марии Пантелеймоновне Иванцовой, девяноста двух лет от роду, проживающей в собственном доме торговца Альфреда Шнаппса...

Близнецы честно помогли Кате убрать со стола и донести посуду до мойки, после чего, повинуясь повелительному жесту отца, побрели к нему в кабинет.

– Влад, – хозяин дома вернулся в столовую и тронул помощника за плечо; тот оторвался от размышлений и одним глотком допил остывший чай. – Я постараюсь тебе помочь разобраться с Шнаппсами, сейчас только с мальчишками поговорю...

– Пока не надо, – покрутил головой Суржиков. – Если что, я спрошу, а пока дай мне самому попробовать, без режиссёра.

– Ладно, – Алекс открыл было рот, чтобы дать ещё какие-то советы, но помощника уже не было в комнате, только штора у двери колыхнулась.

Верещагин пожал плечами и пошёл в кабинет. Мальчишки сидели на диване и разглядывали иллюстрации в энциклопедии холодного оружия. Картинки были объёмные и, повинуясь движению пальца, поворачивались, приближались и давали вытащить оружие из ножен, чтобы рассмотреть клинок.

– Пап, а ты малайский нгерис когда-нибудь держал в руках? – спросил Стас.

– Держал.

– И как?

– Что – как?

– Ну, вот, говорят, сакральное оружие, нгерис выковывались специально для убийства определённого человека и обладали собственной волей... У тебя было ощущение, что этот нож не такой как все?

Алекс мысленно почесал макушку, осознавая трудность вопроса. Попавший ему в руки в процессе расследования нгерис явно не был обычным ножиком, которым и колбасу нарезать можно, и глотку перехватить. И было ощущение, что некая личность, довольно злобная, в нём кроется. Вопрос только, стоит ли рассказывать об этом детям?

– Ты знаешь, – медленно начал он, призывая вдохновение, – пожалуй, да. Пожалуй, чувствовалось в том нгерис нечто... неприятное. И, честно говоря, я рад, что сразу же передал его ребятам из магбезопасности.

– А их до сих пор выковывают? – поинтересовался Серж.

– Считается, что кузнецы-эмпу исчезли. Кстати, последнего известного официально эмпу нашли однажды убитым, а рядом лежал только что доделанный им клинок.

– Считается? – вычленил главное слово Стас.

– Кто знает, что происходит где-нибудь в затерянных городах Малайзии? – пожал плечами Алекс. – А теперь прошу убрать книгу, потому что мы будем говорить о том, что же случилось в значительно более близком к нам Кракове.

– Тогда Катюку надо позвать, – Серж спрыгнул с дивана и умчался на кухню.

Стас тем временем аккуратно закрыл толстый том энциклопедии и поставил её в шкаф, попутно погладив пальцами соседние тома.

– Итак, – начал Алекс, когда вся троица расселась, – куда вы дели вашего сопровождающего, и почему я об этом узнал только сейчас?

Дети переглянулись, и Стас еле заметно кивнул.

– Всё началось второго мая, – начала девочка. – Нам в школе сообщили, что учебный год заканчивается раньше из-за указаний службы магбезопасности...

Уже несколько месяцев Катя точно знала, на кого она хочет быть похожей. Нет, не на актрису из головидео и не на модельера; место в разуме и сердце девочки прочно заняла командер Лавиния Редфилд из службы магбезопасности. И Катя изо всех сил училась так, чтобы не посрамить кумира, да вести себя старалась по возможности столь же спокойно и невозмутимо, как госпожа Редфилд.

Именно поэтому, услышав от куратора их группы о незапланированных каникулах – прямо с завтрашнего дня! – она не запрыгала от радости, хлопая в ладоши, а чуть сдвинула брови и кивнула, мол, информация принята и усвоена.

Стас и Серж были проще: они бурно выразили радость, потом затихли и переглянулись... Впрочем, наверное, можно уже не говорить, что практически любые действия близнецов начинались с переглядывания, словно таким образом они и мыслями обменивались.

– Надо Василию сообщить, – сказал Серж.

Его брат достал коммуникатор и набрал номер. Экран светился синим, гудки проходили, но ответа никакого не было. Наконец Стас сбросил вызов и пожал плечами:

– Ну, мало ли, чем он занят! Пойдём пока вещи соберём и расписание дирижаблей посмотрим.

Вещи были собраны, подарки упакованы, в расписании обнаружился отличный рейс пятого мая, без остановок на ночлег, только для дозаправки – а гувернёр всё не давал о себе знать.

Было уже около десяти вечера, и Катя, под строгим взором старосты её группы, отправилась к себе на девичью половину общежития. Когда за ней захлопнулась дверь, коммуникатор, наконец, отмер и громко засигналил. Вид у воспитателя был несколько странный и взъерошенный...

– Стас, ты звонил?

– Да. У нас занятия заканчиваются завтра, объявлены внеплановые каникулы.

– На месяц раньше? Вот тьма... – вырвалось у Василия.

Впечатление было такое, что он бы и что-то более забористое произнёс, но в последний момент остановился.

– Мы посмотрели расписание, – продолжал его воспитанник, которому некогда было вникать в проблемы гувернёра. – Пятого есть отличный рейс до Москвы, возьмёшь билеты?

– Возьму... – рассеянно ответил Василий и отключился, не прощаясь.

– Ну, вот, а на следующий день утром... То есть, получается, третьего числа, он прибежал с билетами, отдал их мне и сказал, что в Москву не летит, а проводит нас Барбара, с которой он вчера договорился, – закончил Стас рассказ, начатый Катей.

– То есть, получается, что ваш, с позволения сказать, воспитатель, получающий от меня нехилую зарплату, виделся с вами в лучшем случае на часок вечером?

– Ну... – замялся Серж.

– Интересно... О чём ещё я не знаю?

– Ещё, наверное, о том, что ребята за Василием в тот день проследили... – хмыкнула Катя. – И узнали, почему он хочет остаться в Кракове.

– Да, что-то вы вчера говорили о книге?..

– Оказывается, пока Серж и Стас проводили время в школе...

– Мы учились! – раздался возмущённый вопль двух глоток.

– Хорошо, пока они учились, Василий бродил по Кракову и по его букинистическим лавкам. И в одной из них познакомился с хозяином. Вот к этому самому букинисту, его зовут пан Тадеуш, он и ходил каждый день.

– Ладно, – Алекс потёр занывшие виски. – Понимаю, книги, букинист, лавка – но зачем он в Кракове остался?

– Наверное, на этот вопрос отвечу я, – раздался голос от дверей кабинета.

– Барбара! – Хозяин дома вскочил и подвинул кресло, чтобы гостье было удобнее сесть. – Так что же там произошло? И как наш сбежавший гувернёр тебя отыскал?

Усевшись, женщина пожала плечами:

– Ты не вполне прав, Алекс. Гувернёр не сбежал, он старался выполнять свои обязанности. Просто оказалось, что в школе мальчикам было интереснее, чем с ним, такое иногда случается. А поскольку их и поселили в школьном общежитии, Василий оказался просто не у дел, вот и стал заполнять свободное время... другими занятиями.

– Н-да, – Верещагин смущённо потёр нос. – Ладно, упрёк справедливый. Понимаешь, когда предложили мальчишек отправить по программе обмена в магическую школу, да ещё и в ту же самую, где Катерина учится, я никак не мог с ними поехать...

– Ещё проще, – Барбара улыбнулась. – Ты пока не привык к тому, что они уже почти совсем взрослые!

– Да, наверное... – Алекс улыбнулся, хотя подозревал, что улыбка эта больше похожа на оскал.

Он ещё не рассказал близнецам о смерти Елены, и пока что оттягивал этот момент, сколько мог. Никак не получалось у него хотя бы сформулировать то, что нужно произнести.

Барбара продолжала рассказ:

– С Василием мы виделись в день их приезда, поэтому он точно знал, где меня искать.

– А если бы и не знал, мог у нас спросить, – прокомментировал Стас, о чём-то шептавшийся с Сержем в уголке.

– Ну, а пан Тадеуш Красницкий в Кракове известен даже городским голубям, – договорила Барбара и погрозила мальчишкам пальцем. – Как сказал Василий, у пана Тадеуша он нашёл некие дневники примерно двухсотлетней давности, и там была информация о владельцах какой-то раритетной книги. Книгу эту ваш гувернёр мечтал найти чуть ли не с детства, поэтому отважно пустился на поиски...

– И пропал, – мрачно дополнила Катя. – Как-то вот так всё получилось.

– Что означает «пропал»? Сформулируй, пожалуйста, точнее!

– Означает, что Василий не пришел ночевать в квартиру, где жил всё это время, его вещи остались там нетронутыми, коммуникатор не отвечает...

– А что говорит пан Тадеуш?

– А он разводит руками, – ответила Барбара. – Наш молодой человек купил все пять тетрадей, причём наличных у него не хватало, и он хотел оставить в залог старинные карманные часы. Букинист часы не взял, сказав, что Василию верит.

– И больше не видел ни Василия, ни тетрадей, ни денег, – подхватила Катя.

– Вот и нет! – Серж даже подскочил со стула. – Он получил чек на недостающую сумму!

– Ага, конечно! Только банк ответил, что на счету пусто!

– Стоп! – ладонь Алекса громко хлопнула по столу. – Все замолчали и слушают меня.

В кабинете и в самом деле воцарилось молчание. Четыре пары глаз уставились на него, Верещагин откашлялся и продолжил:

– Катя, ты сможешь написать всё, что ты знаешь об этой истории? Пожалуйста, во всех подробностях и прямо сейчас.

Девочка кивнула и встала. Её торжественный выход из комнаты был несколько смазан тем, что в дверях она быстро оглянулась и показала близнецам язык.

– Барбара, мне нужен максимум информации о букинисте и о найденных Василием тетрадях.

– Хорошо, сейчас напишу.

– А вас, дорогие мои, я попрошу остаться!

Когда Барбара вышла из кабинета, Алекс повернулся к сыновьям. Они переглянулись, и Стас примирительно начал:

– Пап, мы тут ни при чём!

– Мы его не доставали совсем, нам и некогда было! – продолжил Серж.

– Да нет, это я знаю! Я не о том... – Верещагин потёр затылок, вздохнул и начал: – Мне придётся сказать вам плохое. Ваша мама умерла...

Кто-то из близнецов со свистом втянул в себя воздух. Потом Серж встал, посмотрел на брата, мотнул головой в сторону двери и сделал шаг к ней. Повернулся к отцу и выдал:

– Мы... вернёмся сейчас.

Через миг в кабинете не осталось никого, кроме Алекса.

По утреннему времени Мария Пантелеймоновна оказалась бодрой, несколько суровой, и отчётливо припахивала вчерашними злоупотреблениями. Впрочем, довольно быстро она смягчилась, и на вопросы Суржикова отвечала охотно и с некоторыми подробностями, иной раз и излишними. Ну, на кой ляд, скажите на милость, нужно ему знать, что Лотта в детстве была такой хорошенькой, что на улице все на неё оборачивались, даже бродячие собаки...

– А заикание у неё прошло, – потрясла головой нянька. – Почитай, годам к шестнадцати почти ничего и не осталось, ну, разве что, когда разнервничается, так начинает запинаться.

– Мария Пантелеймоновна, а расскажите мне про родителей Шарлотты Германовны?

Старуха махнула рукой:

– И нечего про них говорить. Девчонка им не нужна была, выдали замуж за вдовца на столько лет старше, и рады... Ну, как же, денег им Шнаппс отвалили немерено, они теперь сыночке своему, Эдгарчику драгоценному, экипаж новый купят.

– Да вроде бы они неплохо жили, Шарлотта ваша с супругом? – подыграл Суржиков. – Глядишь, общих бы деток завели...

– Не хочет она, – прошептала Мария Пантелеймоновна, оглядевшись по сторонам. – Меня посылала к травнице знакомой, я, как узнала, чего Лотка хочет, сразу ей сказала – не пойду, хоть режь меня. Ну, так она девку эту послала, Настьку, горничную, а той-то что – подолом махнула и поскакала. А что грех это, так и дела ей нету.

– Да, действительно... Ну, так вроде бы теперь Шарлотта Германовна праведную жизнь вести решила, вон, и молится по целым дням. Может, вразумит её этот... новый бог?

– Ты вот что, – нянька поджала губы. – Говори, да не заговаривайся. Бригиту в доме всегда почитали, и братьев её, Фола и Гразиса. А кому она молится, если у него и имени-то нет? Вот то-то!

И старуха потрясла в воздухе сухим желтоватым пальцем.

– Так откуда ж она взяла этого безымянного? Конечно, на улице кого только не встретишь, я вон сегодня браминов видел – головы бритые, жёлтой тканью обмотаны... Но эти хоть улыбаются и счастья всем желают.

– Да что ты, на какой улице? – Пантелеймоновна махнула скрюченной лапкой. – Лотта женщина приличная, по городу одна не шлындает! Парикмахерша ей эту пакость принесла. Я б таких подруг...

Адрес, куда нянька таких бы отправляла, был обозначен точно, и явно предполагал дальнейшее пешее путешествие.

– Ну, а зовут эту парикмахершу как? – терпеливо переспросил Суржиков. – И где её искать?

Названия салона Мария Пантелеймоновна, конечно, не знала, а имя – Диана Мерсье – он записал в блокнот, после чего попрощался со старухой и вышел из её душной светёлки.

Разговор с горничной лишь подтвердил сказанное нянькой, но ничего более Настя не рассказала. Владимиру вообще показалось, что она не то не вполне развита умственно, не то чем-то озабочена до такой степени, что не сразу понимает, о чём её спрашивают. Впрочем, вопрос о травах, за которыми хозяйка её посылала, девушка поняла и замахала руками, осеняя себя знаком святой Бригиты:

– Что вы, что вы, господин следователь! Разве ж можно такое делать? Для сна я травы покупала, законные, с печатью и всеми делами.

– А у кого? Мне бы тоже пригодились... для сна-то, а?

– Не помню я, – Настя свела глаза к носу для убедительности. – Забыла.

Так старательно девушка разыгрывала дурочку, что грех было бы ей не подыграть, так что Суржиков покивал, погладил её сочувственно по плечу и сунул в карман фартука монетку.

– Купи себе конфет каких, – сказал он, умалчивая о том, что вместе с монеткой в этот самый карман попала невзрачная сухая горошина нута.

Как и о том, что был это наспех замаскированный амулет, позволяющий в течение ближайшего часа послушать, что и кому Настя будет говорить, так сказать, передатчик. Приёмник представлял собой такую же горошину и размещался у сыщика в правом ухе, доставляя немалые неудобства.

Он попросил горничную узнать, может ли его принять хозяйка, та покивала и ушла куда-то вглубь жилой части дома. Суржиков похлопал себя по уху, беззвучно выговаривая слова заклинания, и в который раз удивился, что всё сработало.

Сработало, Тьма его побери!

Слышно было негромкое «тук-тук» и голос Насти, уже вполне нормальный и бойкий, без гнусавости и протяжных гласных.

– Можно, Шарлотта Германовна?

– Заходи скорей! – чуть хлопнула дверь, скрежетнул ключ в замке. – Ну, что там? Да не стой столбом, подай мне рясу мою, и тем временем рассказывай!

– Сыщик пришёл, – стала докладывать горничная. – Сперва со старухой говорил долго, потом за меня взялся. Пантелеймоновна-то ему напела всякого, и про травки особые, и про Дианку...

Оценив подробное и толковое изложение обоих разговоров (подслушивала, значит, милая девушка Настя, пока он с нянькой беседовал), Влад отметил и звонкий, красивый голос Шарлотты, и её правильную речь, и манеру говорить – твёрдую и уверенную, но не напористую.

Тем интереснее было услышать вялое и безжизненное «Здравствуйте!» от женщины, вошедшей в гостиную через несколько минут.

Госпожа Шнаппс была хороша собой. Высокая статная фигура, пышные светлые волосы, выбивающиеся из-под серого платка, большие опущенные долу глаза; впрочем, в первый момент Суржиков успел разглядеть, что они голубые.

Хозяйка дома тихо отвечала на его вопросы о хозяйстве, муже и образе жизни, даже не интересуясь тем, зачем незнакомцу знать, проживает с ними дядюшка Гюнтер или приехал погостить. Когда Влад попытался расспросить её о том, в какую же церковь она ходит, женщина поджала губы – полные и розовые – и сказала всё так же тихо:

– Ни к чему вам это.

И более ни единого слова от госпожи Шнаппс сыщик не добился.

Распрошавшись с этой безмолвной статуей, он вышел во двор и почесал за ухом. Хорошо было бы проследить, куда Шарлотта Германовна отправится на богомолье, но как узнать, когда это произойдёт? Не сидеть же тут возле дома сутками, да и где прятаться? И Суржиков, с сомнением покосившись на сочные лопухи у ворот, постановил: доложить шефу о полученной информации и посоветоваться, что делать дальше. Да и помянутую парикмахершу, Диану Мерсье, не мешало бы разыскать, а значит, всяко нужно обращаться к городской страже.

И он решительно повернул в сторону Устретенской слободы.

Если же наш герой всё-таки прикинулся бы лопухом у ворот, то не более чем через полчаса смог бы увидеть, как горничная высовывает нос из двери и осматривает двор; как следом за ней выскальзывает из дома госпожа Шнаппс в васильковом платье и шляпке с вуалью и почти бежит к калитке; как садится в закрытый экипаж и забирает у горничной небольшой саквояжик...

Примерно на сотом круге по кабинету Алекс решил, что протёртый ковёр домовому не восстановить. А если и сумеет, так столько хозяин наслушается, что оно того не стоит. Поэтому он постарался взять себя в руки и хотя бы сесть.

Мальчишки не приходили. И попытка запустить в их комнату магическое ухо оказалась совершенно бесполезной: паршивцы провели время в Кракове не зря и, как минимум, научились ставить полог от подслушивания.

Он собрался уже идти к ним... или к Барбаре?.. в общем, куда-нибудь, когда коммуникатор, брошенный на стол, задрожал и засветился синим. Появившееся на экране лицо было совершенно незнакомым, а вот синяя форма и погоны говорили о том, что некто представляет официальные органы Царства Польского.

Неужели близнецы что-то настолько серьёзное натворили в Кракове?

– Господин Верещагин? Подпоручик Хондажевский, городская стража Кракова, – представился этот, в форме, и Алекс замер. – Скажите, вам знаком господин Таунен, Василий Таунен?

– Да, – голос у нашего героя скрипнул, и он откашлялся, чтобы повторить уже вполне нормально. – Да, я знаю господина Таунена, он работает у моих сыновей домашним педагогом. Гувернёром. Сейчас в отпуске. А что?

– Да видите ли... – поручик слегка замялся. – Он арестован по подозрению в краже... и на наши вопросы отвечает отказывается, а требует вызвать вас.

– В краже? – Верещагин отлично помнил, что именно близнецы рассказывали ему о приключениях добропорядочного гувернёра, но удивление сыграл безупречно. – Уверен, что это ошибка.

– Мы вынуждены просить вас прибыть в Краков, – уже твёрдо сказал стражник. – В ближайшее время.

– Хорошо, – кивнул Алекс. – Мне это крайне неудобно, но Василий работает на мою семью. Я прибуду первым же рейсом.

Двое детективов холодно распрощались, и наш герой, помянув Тёмного и его приспешников, полез смотреть расписание дирижаблей в сторону Кракова. Когда дверь кабинета открылась, и в щель один за другим просочились близнецы, он поднял на них сосредоточенный взгляд и сообщил:

– Все наши планы откладываются, как минимум, на неделю. В качестве возмещения...

– Мы уже выбрали, – перебил его Стас. – Летние курсы воздухоплавания в Академии Жуковского.

Серж дополнил:

– Всем троим, Катька с нами.

Счастливым отец не то, чтобы не удивился, просто сумел удержать лицо, и ответил:

– Принято. А насчет того, что случилось...

– Не надо, пап. Давай... потом как-нибудь.

– Лучше скажи, когда ты улетаешь? – подхватил Стас.

– Откуда вы знаете, может, у меня просто новое расследование?

– Не-а, – близнецы дружно помотали головами. – Ты в Краков поедешь, Василия вытаскивать.

– Это, конечно, тоже расследование, – добавил Серж, – но другое.

– Получается, самый быстрый способ – сегодня вечером в Монакум, а завтра по прилету уже поездом в Краков, – сдался Алекс. – И расскажите-ка мне еще раз всё, что вам удалось узнать о тетрадах, книге и о том, чем ваш гувернёр занимался на свободе...

По дороге из Кривоколенного переулка Суржиков всё рассуждал сам с собой обо всём, что ему рассказали и не рассказали. Как раз дойдя до двери дома, он хлопнул себя по лбу и промычал:

– У-у, балда! Надо ж было соображать!

Он взбежал по лестнице на второй этаж, в несколько шагов достиг кабинета, открыл дверь и застыл, никого не увидев.

Алекс обнаружился в спальне. Он стоял над небольшим кожаным саквояжем и аккуратно укладывал туда чехол с рубашками.

– Шеф, я понял, где я лопухнулся!

– Что, сбежала наша богомолица? – поднял на него взгляд Верещагин. – Интересно только, в театр или к любовнику?

– Какой театр? – затормозил Владимир.

– Да я подумал, что очень все её молебны отдают дурным любительским спектаклем... Ты извини, я тебя перебил. Излагай, что ты придумал!

– Ага... Значит, замужем Шарлотта три года, не вчера выдали. И сама она из купеческой семьи, с детства её в почтении к старшим воспитывали и дела вести учили. Вполне себе такая... крепкая девица была. Стояла на земле обеими ногами.

– Это тебе нянька сказала?

– Что-то нянька, что-то я из разговора с неутешным супругом понял. Да и знаю я, как купцы дойчландского происхождения детей воспитывают, в детстве соседи были такие, посмотрелся! Так вот, три года назад она вышла за Шнаппса и жила с ним... нормально. Хороший прочный брак. Если бы сразу после замужества она взбрыкнула, можно было бы списать на девичье потрясение, нервы, всё такое. Но чтобы три года нервы не вибрировали, а тут вдруг выиграли?

– Согласен, – кивнул Алекс. – И ты решил?..

– Я решил, что она любовника завела, тут-то крышу и сорвало. Шнаппс... не похож на инкуба.

Не удержавшись, Верещагин фыркнул:

– Вот уж точно! Но старуха тебе об их проблемах в спальне не рассказала?

– Думаю, она и не знает. Подруге женщина могла бы рассказать о таких подробностях личной жизни, но не няньке. Ну, мне так кажется. Так что я планирую хорошенько потрясти парикмахершу, авось, что-то и вытрясем.

– Хорошо, так и сделаем. Тебе придётся довести это дело самому, потому что я сегодня вечером должен отбыть в Краков.

– Потерявшийся гувернёр, – кивнул Суржиков. – Слушай, и клиенту мне придётся отчитываться?

– Отчитаешься, небось, не бином Ньютона. Бланки отчётов в правой тумбе стола, оплату положишь пока на свой банковский счёт, вернусь – разберёмся.

– А вдруг я не сумею...

– Иди к тёмному! – разозлился Алекс. – Гамлета сыграть сумел? Ну, так сыграй и Шерлока Холмса!

Барбара Вишневская и сама не слишком хорошо понимала, что привело её в Москву, и почему она не уехала сразу же, доставив детей. Или, может быть, понимала, но всё ещё не

готова была в этом самой себе признаться. Со времени их знакомства с Алексеем Верещагиным и его непростым семейством прошло не так уж мало времени, почти полтора года. Они периодически встречались то в Кракове, то в Медиолануме, то в Лютеции, и при каждой встрече этих двоих буквально бросало друг к другу, никакой не было возможности оторваться, разомкнуть объятия.

А потом они всё же расставались.

И наступали долгие периоды молчания, прерываемые редкими электронными письмами или разговорами по коммуникатору.

Ни Алекс, ни Барбара ни разу не говорили о том, чтобы жить вместе, хотя, что уж скрывать, у любой женщины такая мысль возникает и долбит мозг изнутри. Конечно, вот она – любовь, страсть, которая за это время нимало не потухла, а с другой стороны – налаженная жизнь, работа, друзья...

Никак невозможно представить, чтобы Верещагин бросил дом и работу и поехал завоёвывать клиентов в Краков. Но для пани Вишневской переезд в Москву представлялся совершенно невозможным, немислимимым после первого брака.

И всё же, когда Алекс позвонил ей в некоторой растерянности и попросил помочь, она бросила всё, взяла отпуск в клинике и собрала чемодан.

Всё это и много другое Барбара обдумывала, вымешивая тесто. Наконец она сочла, что нужная структура достигнута, накрыла таз чистым льняным полотенцем и стала отряхивать руки. Тут её обняли сзади и поцеловали в макушку:

– Пироги будут?

– С капустой, с мясом и с маком.

– Здорово... Жаль, что я не попробую.

– Это почему? – развернулась она к Алексу.

Он развёл руками:

– Дурацкое стечение обстоятельств. Представляешь, сегодня отправляюсь в Краков. Василий влип в историю. Мне звонила городская стража, его обвиняют в краже.

– Святая Бригита, ерунда какая! – Барбара быстро вымыла руки, сердито стряхнула воду, поискала глазами полотенце и, не найдя, вытерла пальцы о фартук. – Так, погоди минуту...

Она почти пробежала до отведённой ей комнаты, вытащила из чемодана пухлую записную книжку и быстро перелистала её:

– Ага, вот! Записывай: Марек Пшемьский, капитан стражи. Свяжись с ним, он поможет...

– Твой поклонник? – равнодушно поинтересовался Верещагин.

– Друг детства, – она рассмеялась и, встав на цыпочки, чмокнула ревнивца в кончик носа. – Постарайся быстро с ними разобраться, а то у меня кончится отпуск.

Дирижабль «Герцогиня Ауфштадт» отвалил от причальной мачты точно по расписанию, в восемнадцать тридцать. Глеб откинулся на спинку удобного кресла и не без удовольствия осмотрелся. Увиденное ему понравилось: хотя в брюхе дирижабля и помещалось более двухсот пассажиров, со своего места он видел ещё пятерых. Более того, когда подойдёт время спать, спинка кресла откинется, боковую загородку можно будет сдвинуть и остаться практически одному.

– Что меня радует, – сказал он, обращаясь к своему спутнику, – так это то, что наше руководство не стало экономить и отправило нас без ночевки на промежуточных станциях.

Капитан-лейтенант Кулиджанов согласно угукнул и раскрыл на столике папку с делом.

– Давай поглядим еще раз, какой у нас план.

– Да какой план, если мы ещё сутки лететь будем?

– У нас есть, во-первых, рекомендации, во-вторых, цель.

– И, в-третьих – адрес, – пожал плечами Глеб. – А пока мы не знаем, что скажет нам этот господин с говорящей фамилией, любые дальнейшие действия предсказать невозможно. Кстати, я не посмотрел год его рождения – это что, [тот самый] Монтегрифо?

Слова «тот самый» в его речи явно были выделены жирным шрифтом.

– Нет, ну ты что? Знаменитый библиофил, букинист и авантюрист Пако Монтегрифо был дедом нашего гипотетического информатора. Двести с лишним лет человеку без капли магии не прожить никак! Да и Маноло, к которому мы едем, тоже немолод...

Никонов вытащил из папки лист бумаги и прочёл негромко: «Монтегрифо, Маноло Пабло Эстебан, родился пятого мая 2084 года в Мадриде, с 2122 года постоянно живёт в Монакуме. Занимается изучением рунной магии, коллекционер-библиофил...».

– Это выходит, ему больше ста лет? – поднял брови Глеб.

– Сто один. И он до сих пор управляет своей небольшой империей, хотя уже лет тридцать не расстаётся с креслом на колесиках.

– Болел?

– Передозировкой смертельных проклятий, – усмехнулся Кулиджанов. – Благодаря мощным защитным амулетам почтенный господин Монтегрифо остался жив, но ногами не владеет.

– И кто ж его так?

– Клиент. Недовольный клиент, как ты понимаешь. А недоволен он остался, получив не совсем ту книгу, которую оплачивал. Ему требовался сборник призывов к духам лоа с прилагаемым перечнем даров издания Нувель-Орлеанского университета 1756 года, а Маноло Пабло Эстебан вручил том, выпущенный на три года позже.

– То есть, изданный после принятия первого закона о запрещённых заклинаниях? – присвистнул Глеб. – Действительно, досадная разница...

– Вот именно. Наш вудуист был украшен орихалковыми браслетами и надолго забыл о духах лоа, но ног господину букинисту это не вернуло...

– То есть, получается, этот самый букинист вовсе не такой уж невинный барашек?

Кулиджанов помолчал, потом закрыл папку и убрал её в сумку, а сумку – в пространственный карман.

– Знаешь, – сказал он наконец, – среди этой публики – букинистов, антикваров, коллекционеров и тому подобных – можно встретить упрямого барана. Но вот невинного ягнечка – вряд ли. В конце концов, каждый из нас состоит не только из того, что он съел, но ещё и из того, что он прочёл...

Подошедший стюард прервал их философскую беседу предложением поужинать, по желанию, в ресторане или на месте.

– В ресторане, – быстро ответил Глеб. – Давай-давай, разомнём ноги, сидеть ещё долго!

– Сидеть, лежать, есть, и всё со скоростью почти четыреста километров в час, – пробурчал в ответ Кулиджанов. – Работать надо! В Монакум мы должны прибыть готовыми к разговору с Маноло Пабло и так далее.

Зал ресторана был освещён лампами, стоящими на каждом из столов, плюс притушенными магическими фонарями, живописно разбросанными под куполообразным потолком. Сидя на своём месте, можно было разглядеть лишь физиономию своего визави, ну, может быть, ещё соседа справа или слева. Остальные почти две сотни ужинающих оставались невидимыми.

И тем не менее, усевшись на удобный диванчик и подняв глаза, инспектор Никонов первым делом увидел за соседним столиком знакомое лицо.

– Батюшки светы! – воскликнул он с некоторой подколкой. – И здесь ты?

Алекс – а сидел по соседству именно он – слегка поморщился:

– Как известно, Москва – очень маленькая деревня, где все друг друга знают. Очевидно, это распространяется и на другие города и веси.

Инспектор помахал рукой официанту и, когда тот подошёл, попросил его:

– Пересадите нашего друга за этот же столик, пожалуйста... Ага, вот и отлично. Итак, я не помню, вроде бы вы не знакомы?

В ответ на этот вопрос Верещагин помотал головой, а безопасник, наоборот, покивал.

– Вот и славно! – потёр руки Глеб и быстро их друг другу представил. – А теперь рассказывай, дорогой друг, коллега-частник, зарабатывающий бешеные миллионы, какой тёмный несёт тебя в Дойчланд?

Выслушав лаконично изложенную историю обвинения гувернёра Василия в краже, Кулиджанов потёр лоб и сказал хмуро:

– Скажите мне, у меня паранойя, или мне кажется, что это две стороны одной монеты?

– Учитывая поводы к нашим путешествиям, я бы сказал, что это листы одной книги! – хмыкнул инспектор. – Просто, подозреваю, идут они не подряд, и между ними излагается какая-то неизвестная нам часть истории.

– Ты говоришь, дети тебе расписали всё, что им известно?

Алекс кивнул.

– Дай почитать, утром верну, – протянул Кулиджанов руку. – Предлагаю вообще завершить трапезу и отправиться по своим местам, спать. А завтра, на свежую голову, обсудить произошедшее и выработать стратегию.

– Давай начнём с тактики! – усмехнулся Алекс, отдавая листки.

– А вот тактика и есть – выспаться и подумать, – серьёзно ответил капитан-лейтенант.

Укладываясь спать, Софья взбила подушку, перевернула её и снова взбила.

«Завтра надо будет поменять постельное бельё, – подумала она. – И найти прачечную, чтобы постирать это. И купить молока, сливок, фруктов хоть каких-нибудь и овощей. Картошки, вот, именно картошки! И мяса, сегодня почти всё съели, остался только кусок буженины на завтрак. Святая Бригита, хоть бы Аркадий Феофилактович поскорее вернулся!»

На грани сна ей показалось, что где-то поблизости прозвучал знакомый ехидный смешок...

Глава 2. 9 мая 2185 года от О.Д.

{– Сколько ни направляй коня в нужную сторону, неизбежное обязательно будет поджидать тебя у ворот ближайшего Самарканда: сидит там себе твоя судьба да чистит ногти венецианским кинжалом или шотландским штыком.}

{Артуро Перес-Реверте, «Клуб Дюма, или тень Ришелье»}

В брюхе дирижабля, плывущего вместе с розоватыми утренними облаками в сторону Монакума, была сонная полутьма. Две сотни пассажиров спали, отделённые от земной тверди тремя тысячами метров воздуха и тонкой оболочкой, заполненной гелием.

Алекс проснулся мгновенно, будто от толчка, и в первый момент не понял, где он находится, и что его разбудило. Потом, проморгавшись, увидел над собой лицо Кулиджанова с пальцем, прижатым к губам.

– Хватит дрыхнуть, вставай давай! – прошептал тот.

Верещагин подтянул к глазам руку с часами.

– С ума сошел, шесть утра! – ответил он так же тихо.

– Идём завтракать, пока нет никого. Заодно и поговорим!

В ресторане и в самом деле не было почти никого, только за дальним столиком какой-то толстяк с самым суровым видом поедал одну за другой олады.

Глеб Никонов уже сидел на диванчике и смотрел в меню. Вид у него был не менее сонный, чем у Алекса, только капитан-лейтенант магбезопасности светился бодростью и благодушием.

– Вот как ты считаешь, что надо сделать с человеком, который мало того, что с утра свеж как маргаритка, так ещё и ближнего к тому же побуждает?.. – спросил Никонов со страдальческой миной.

– И пробуждает, – буркнул Алекс, усаживаясь напротив. – Ты хоть кофе заказал, изверг?

– А как же! – Кулиджанов повёл рукой.

На приставном столике и в самом деле стоял сверкающий серебряный кофейник с ароматным паром из носика. Рядом размещались сливочник, тарелки с тонко нарезанной сёмгой и розовыми ломтиками ростбифа, фарфоровое блюдо, где под капельками воды желтело масло, вазочка с мёдом, баночки с разными джемами, корзинка с хлебом и булочками... Словом, накрыто было правильно, и сразу захотелось есть.

После второго бутерброда возмущение сотрапезников слегка улеглось, и Алекс спросил:

– Так о чём ты хотел поговорить?

– Ты из Монакума летишь в Краков? – вопросом на вопрос ответил Кулиджанов.

– Ну, да. Правда, рейс только вечером будет...

– Вот именно. А прибываем мы через три часа, в десять утра. То есть, у тебя целый день свободен для подвигов. Или ты хотел, как настоящий турист, заглянуть в картинную галерею и промчаться по магазинам?

– Пошёл к Тёмному! – обиделся Верещагин и налил себе ещё кофе. – Что ты предлагаешь, сидеть в воздушном порту или дрыхнуть в гостинице?

– Я предлагаю поехать с нами к фигуранту дела, – совершенно серьёзно ответил капитан-лейтенант. – Мы совершенно себе не представляем, с чем столкнёмся. Как-то так жизнь складывалась, что с разновидностью безумцев, именуемой букинистами, я не сталкивался ни разу.

– Я тоже, – подтвердил Никонов.

Он уже понял, какую игру затеял его временный напарник, и с интересом наблюдал, что же из этого получится.

– Ну-у... – протянул Алекс. – Было у меня дело, где и антиквары отметились, и букинисты, и охотники за книгами. Наследство делили после смерти одного собирателя.

– И как?

– Ты не прав! – он надолго замолчал, сооружая себе бутерброд с маслом, сыром и густым бледно-жёлтым мёдом.

Кулиджанов терпеливо ждал, но, когда Верещагин впился зубами в ломоть хлеба, не выдержал:

– В чём я не прав?

– Не все они сумасшедшие, – прожевав, ответил Алекс. – Есть очень разумные деловые люди. Просто торгуют они не сталью, колбасой или амулетами, а книгами. Старинными или современными, неважно, лишь бы была прибыль.

– И с какими, на твой взгляд, легче иметь дело? – перехватил нить беседы Никонов.

– Ни с какими. Безумца ты интересуешь ровно до того момента, пока в твоих руках он видит предмет своего вожделения, торговца – если у тебя есть что-то, что принесёт ему прибыль. Вопросы поиска убийц или восстановления справедливости их не касаются.

– Отлично! – Кулиджанов потёр руки. – Тогда так мы и сделаем. Ты будешь продавцом, а мы – твоей охраной.

– И чем я буду торговать?

Жестом фокусника Кулиджанов вытащил из воздуха лист бумаги и прочёл:

– Пункт первый: Авл Геллий, «Аттические ночи», издание типографии Альда Мануция, Венеция, 1515 год.

Утро у Суржикова началось с того, что он варил кофе на всю компанию. То есть, не только кофе – Стас и Серж попросили какао, а Катя – чай с лимоном. Никакого труда в этом не было, кофе получился отличный, густой и чёрный, Влад даже слегка загордился собой. Правда, гордость подувяла, когда пани Барбара, пригубив напиток, вытаращила глаза, попросила сливок, а отдышавшись, сказала:

– Ты что, в свободное время в зельеварении практикуешься? В таком кофе только нераскаившихся преступников топить!

– Да ладно, – вступился за друга Макс. – Отличный крепкий кофе, всё как положено!

И бухнул в чашку ещё ложку сахара.

Завтракали по сложившейся привычке все вместе, тем более что никому и никуда не нужно было бежать к определённому времени. Омлет, оладьи, сметана, заботливо оставленное домовым варенье – всё было отлично, и всё равно Суржикову чего-то не хватало.

Он понял, что не одинок в этом ощущении, когда Макс вздохнул и спросил:

– Никто не знает, когда Аркадий Феофилакторович вернётся?

– Увы, – ответила Софья. – Ешь что дают и отправляйся в университет. Ты собирался устроиться на кафедру подработать.

– Ла-адно, – пробурчал почтительный сын, и зарылся в оладьи.

После завтрака дети упорхнули гулять, а Суржиков решил посоветоваться с дамами, как же ему искать пресловутую парикмахершу, если известно только её имя?

Дамы переглянулись, и Софья сказала:

– Давай так: ты поищи в Сети по имени, а мы поспрашиваем у знакомых.

Стоит ли говорить, что второй путь принёс успех куда быстрее? Москва – город маленький, и все всех знают.

Госпожа Джаванширова, избавленная Софьей от мигреней, сама лично о Диане Мерсье не слышала, но спросила у своей камеристки. Та тоже была не в курсе, но для её подруги имя уже было знакомо, ну а подруга подруги сдала все адреса и явки в полном объёме.

Никакого салона у Дианы Мерсье не было. Тем не менее, эта дама и в самом деле была парикмахером – стилистом, как она сама себя называла, – и работа её с клиентами была организована на загляденье, с выбором одного из трёх вариантов. Во-первых, самых близких и давних женщина принимала у себя, в доме в Озерковском переулке, унаследованном ею от прабабушки. Домик был крошечный, три комнаты и садик размером с носовой платок, но Диана любила его без памяти и допускала в небольшую отлично оборудованную рабочую комнату очень немногих.

Во-вторых, к клиентам капризным и дорогостоящим она приезжала домой. Конечно, те оплачивали заказной экипаж, да и выезд стоил куда дороже, чем стрижка дома. Раза в три примерно, а иногда и в четыре.

В-третьих, дважды в неделю госпожа Мерсье арендовала кресло в салоне на Большой Ордынке – шикарном, дорогом, с самой модной косметикой и новейшим оборудованием. В салоне её высоко ценили и не раз предлагали работать у них постоянно, но Диана держалась за свою независимость и на уговоры не поддавалась.

Салонные дни были вторник и четверг, сегодня пятница. Суржиков с досадой сплюнул: надо было идти вчера, ждать почти четыре дня невыносимо. Ладно, будем действовать иначе.

– Пани Барбара... – он замялся.

– Слушаю вас, Влад! – Женщина посмеивалась, отлично понимая, о чём ей хотят попросить.

– Пани Барбара, а вы не хотели бы подстричься?

– Вы считаете, что моя причёска недостаточно элегантна?

– Нет, что вы! Всё замечательно! – Суржиков в замешательстве покрутил руками возле головы, потом взгляд его прояснился: – «Вот подлинно прекрасное лицо! Рука самой искусницы природы Смешала в нем румянец с белизной...».

– Цитатами вы бьёте наповал! – улыбнулась Барбара. – Хорошо, давайте попробуем.

И через десять минут она уже договаривалась с Дианой Мерсье, что та нынче же после обеда приедет в Селивёрстов переулок, чтобы сделать причёску пани Вишневецкой.

– Лучше, наверное, чтобы она входила в мою дверь, – сказала Софья. – Чтобы надпись «Частный детектив» пока не фигурировала. А может быть, я тоже подстригусь...

И женщины переглянулись, составляя маленький заговор.

Алекс покрутил в руках лист дорогой бумаги со списком книг, перечёл знакомые пункты – Авл Геллий, Симеон Метафраст, “MisteriaVermis” – и со вздохом список отложил.

– В таком виде подозреваемому это показывать нельзя.

– Почему? – заломил бровь Кулиджанов.

– Потому что мы не знаем, имеет ли Монтегрифо отношение к убийствам, а равно к поискам книги с пометками короля Сигизмунда Ягеллона. И если да, если имеет, то этот перечень должен быть ему знаком, как собственная спальня!

– А если нет, то он нам и не нужен, – понятиливо кивнул инспектор Никонов. – Твои предложения?

– Надо сделать не список, а картотеку! Десяток карточек, на каждой одно название и разные пометки. Нет, не десяток, полтора. И часть томов из этого списка я буду продавать, а часть – искать. Из нашего листа мы туда поместим три названия...

– А откуда возьмём остальные?

– Найдём, – Верещагин был абсолютно уверен в собственной правоте, и, как всегда бывает в таких случаях, заражал это уверенностью остальных. – Я попрошу Влада отыскать пару названий, вы тоже у кого-то спросите...

– Мы так до вечера провозимся, а тебе улетать в семь!

– Значит, я улечу завтра. Или вообще поеду поездом. Василий пока что жив и здоров, а пару дней в камере заслужил за то, что бросил подопечных.

– Тоже верно, – согласился капитан-лейтенант. – Тогда вы отправляйтесь в гостиницу, а я пойду и представлюсь местным коллегам. Кстати, возьму у них дополнительную информацию по Монтегрифо, а может, и пару названий для картотеки.

Когда туша дирижабля замерла возле причальной мачты, а синий ковёр протянулся от лестницы до входа в здание аэровокзала, Кулиджанов не стал ждать своей очереди к выходу. Каким-то хитрым движением он ввинтился в толпу и исчез прежде, чем его напарники успели сказать «А».

– Ладно, – отмер, наконец, Глеб – Нам спешить некуда. Я бы вообще поел сперва, завтрак-то был сто лет назад, а потом уже отправлялся на поиски жилья.

– Вам что, гостиницу не забронировали?

– Не-а! А зачем? В Монакуме я бывал, город знаю. И вот что... думаю, надо нам остановиться не в отеле, а... Погоди-ка, как он назывался? Во, «Хитрый тролль»!

– Трактир, что ли?

– Именно! И когда ты попробуешь, какие колбаски готовит жена хозяина, ты и сам захочешь там поселиться!

Колбаски и в самом деле были хороши: белые, толстенькие, с аппетитно просвечивающей сквозь полупрозрачную шкурку зеленью и умопомрачительным запахом чеснока и специй. На предложение хозяина сопроводить их кружкой светлого пива напарники с сожалением ответили отказом.

– Вот вечером!.. – мечтательно произнёс Алекс.

– Тёмного! И рульку с красной капустой к нему!.. – поддержал Никонов.

– Ага, – понятно кивнул герр Шульце. – Мне как раз должны угря копчёного доставить, так я вам отложу коробку?

– Непременно! И вот ещё что, герр Шульце, помнится, вы комнаты сдавали?

– Так господам приезжим положено в отеле жить, – хитро заулыбался тот. – Вон, «Кёнигсхоф» построили, новый, всего год как открылся.

– Да ну его, не люблю я отели, – поморщился Глеб. – Мы люди простые, приехали по делу, нам и удобства нужны обыкновенные. Без излишеств, а не это всё... бланманже.

– Ну что же... – герр Шульце достал из кармана белоснежного фартука блокнот, перелистнул несколько листов. – Вот, пожалуй, подойдет вам. Самая дальняя дверь на втором этаже, – он мотнул головой в сторону лестницы. – За двоих сорок дукатов в день с завтраком.

– Нас трое, приятель наш позже будет.

– За троих пятьдесят. Годится?

Вместо ответа Никонов выложил на стол пять золотых монет.

Как ни присматривался Алекс, он так и не смог усечь момент, когда дукаты исчезли с дубовой столешницы, расслышал лишь, как они звякнули в кармане фартука...

Поднявшись в отведённую им комнату, мужчины осмотрелись и одобрительно похмыкали. Вне всяких сомнений, комната эта была удобной – светлой и достаточно просторной для троих немаленьких гостей. Кроме этого, в ней начисто отсутствовали мелкие предметы, сами собой появляющиеся в любом помещении, которое обставляет женщина; не было ни занавесок с рюшами, ни фарфоровых фигурок и вазочек, ни глянцевого журналов, ни вышитых дорожек... Три удобные даже по виду кровати, большой платяной шкаф, круглый деревянный стол на толстой резной ноге и четыре стула составляли всю обстановку этого временного жилища.

Кинув дорожную сумку в шкаф, Верещагин достал коммуникатор и набрал номер помощника.

Довольно долго Влад вообще не понимал, о чём идёт речь...

– Какие книги, шеф? – возопил он, наконец. – У нас дело не закрыто, Шнаппс, правда, не торопил пока, но я сегодня встречу с парикмахершей...

– Вот и славно, – непреклонно ответил Алекс. – А перед этим загляни к твоему знакомцу в библиотеке и попроси списочек.

– Ладно... – смирился Суржиков. – Список чего тебе нужен, эксплуататор?

– Список книг, которые трудно, но в принципе возможно найти. Антикварных, – подчеркнул Алекс. – Мечта богатого коллекционера, но не несбыточная, а такая... за которой надо побегать. Штук пять-шесть хватит.

Отключив коммуникатор, он покосился на Никонова. Тот со своим собеседником ещё не распрощался, а стоически переждал какую-то длинную и явно занудную тираду. Наконец на лице его отразилось облегчение, Глеб зашарил рукой по столу, подтянул к себе блокнот и карандаш и стал азартно записывать. Вежливо попрощавшись, он откинулся на спинку стула и сказал:

– Четыре штуки есть. Плюс три из списка, плюс тебе что-то пришлют. Пожалуй, после обеда надо будет идти общаться со старым стервятником.

– Горным стервятником, раз уж Монтегрифо, – уточнил Алекс. – Это, считай, классом выше птичка! Надо заранее назначить встречу, а то мало ли, может, он после обеда спит. Кто у нас есть для контакта, секретарь?

Секретаря у букиниста не было, был помощник, так он и представился, когда инспектор связался с ним по коммуникатору. И прав оказался Верещагин: Маноло Пабло Эстебан придерживался исключительно правильного образа жизни и после приёма пищи два часа отдыхал, так что встреча его с приезжим московским букинистом была назначена на пять часов.

Вот теперь дальнейшие действия были уже похожи на план: дождаться Кулиджанова, заказать визитные карточки, сделать картотеку...

Мастер-стилист Диана Мерсье ровно в три часа дня постучала в дверь, возле которой благородным приглушённым блеском отливала табличка «Софья Полянская, целитель». Суржиков отворил, улыбнулся и пригласил её пройти.

Выглядела парикмахерша и в самом деле хорошо: её остренькое личико лисички оформляли пышные пряди, отливавшие то золотом, то рыжиной, кожа лица была золотистой и гладкой, а руки с коротко остриженными ногтями смотрелись ухоженными и нежными.

Профессионально восхищённым взглядом окинув двух ожидавших её женщин, госпожа Мерсье стала задавать вопросы, но Влад с извинениями прервал её:

– Скажите, а это у вас вообще надолго?

– Ну-у... часа три, не меньше!

– Отлично! Тогда я пока отойду по делам, а к концу волшебных превращений вернусь, – он улыбнулся, представляя себя не то графом Альмавивой, не то кем-то из мольеровских персонажей. – Надеюсь, моего банковского счета хватит, чтобы расплатиться!

И Суржиков дезертировал, мысленно благословляя своего шефа, нагрузившего его дополнительным поручением.

Хранитель Лонаан, разумеется, был в библиотеке. Сколько помнил Владимир, здесь, в книжном царстве Высших курсов актёрского мастерства, в дневное время не должно было быть много народу: время теоретических дисциплин ещё не подошло, в мае вовсю шли зачёты по актёрскому мастерству, танцам, сценической речи и прочему фехтованию.

Так оно и оказалось – возле стойки отирался лишь какой-то первокурсник, уныло внимающий тихой выволочке, устроенной ему Хранителем. Увидев Суржикова, Лонаан кивнул ему и повелительным жестом отправил юношу в глубину хранилища, вручив тому тряпку и метёлку для пыли.

– Добрый день, Хранитель! – поклонился Влад.

– Здравствуй, здравствуй, любитель тайн! Ну что, новый книжный список и новая загадка?

– Не совсем новый...

Путаясь в словах, Суржиков объяснил, что именно ему хотелось бы получить, но Лонаан покачал головой:

– Не выйдет.

– Что именно не выйдет?

– Найти названия книг, которые бы увлекли любого человека. Графу Васильчикову будет неинтересно что угодно, кроме списков дерби и журналов по коневодству, Федору Ивановичу Шаляпину подавай жизнеописания и партитуры опер в необычных изводах, а, например, господин Карпов...

– Я понял, понял! – замахал руками Владимир. – Моему шефу предстоит встреча в Монакуме с господином Монтегрифо.

– Ах вот как... – если бы Хранитель библиотеки был человеком, можно было бы сказать, что он поджал губы. – Так он вовсе не библиофил. Он торговец.

И тут Суржиков понял, что сейчас его выгонят вон...

– Нет! – воскликнул он слишком громко и зажал рот рукой. – Это всё то же самое расследование, его подозревают... Я не могу сказать, простите, Хранитель, но это уже тайна следствия.

– Хорошо, – жёлтые глаза Лонаана, кажется, просверлили нашего сыщика насквозь. Результат осмотра вроде бы удовлетворил библиотекаря, и тот велел: – Сядь вон туда, в уголок, и не мешай. Я должен подумать.

Через полчаса совершенно измочаленный Суржиков вылетел из дверей особнячка в Кривоарбатском переулке. В кармане его куртки лежал листок бумаги с пятью названиями книг, за которые монакумский букинист может, и не продал бы душу, за предполагаемым неимением таковой, но уж точно расстался бы с немалым количеством золотых полновесных дукатов.

Выйдя в Староконюшенный, Влад остановил экипаж-такси, и через полчаса уже поднимался по лестнице на второй этаж. В своей комнате он распахнул окно, глубоко вдохнул – из крошечного дворика сладко пахло какими-то цветами – и принялся за дело, которое ему удавалось исключительно редко, стал создавать магический вестник. Он пыхтел минут двадцать, но белая птичка никак не желала возникать, да и библиотечный листок в его ладонях отчего-то стал влажным.

– Ладно, – сквозь зубы прошипел Суржиков. – Я тебя перепишу!

Добыв в кабинете Алекса стопку белой тонкой бумаги, он чётким почерком скопировал список, сложил его должным образом, поправил правое крыло птички и вновь зажмурился. Ключевая фраза ещё висела на его губах, когда левая ладонь зачесалась совершенно нещадно. «К прибыли» – пробормотал суеверный актёр и открыл глаза. На левой руке сидел небольшой голубь, и именно от его коготков рука так и чесалась. Птица вспорхнула и вылетела в окно, а Суржиков опустил на стул и пробормотал:

– Получилось!

Очень хотелось есть, и он отправился на кухню заваривать чай и резать бутерброды, ностальгически вздыхая по отсутствующему домовому. Впрочем, стоило Владу поставить чайник, как появились дети, Катя отодвинула его от плиты и достала из стазис-ларя суп, а близнецы стали задавать тысячу вопросов о театре...

Когда Суржиков проснулся, вернее даже – очнулся от тяжелого липкого сна, он не сразу понял, где находится. Втянул воздух, почувствовал сладкий запах сирени, увидел тёмно-синие

шторы и закатный свет за ними, и вспомнил: дома. Он, дома, в Костянском переулке и всего-навсего задремал после обеда, вот и привиделась ему на полный желудок какая-то белиберда. А теперь надо встать, умыться холодной водой и заслать вниз, к женщинам, Катерину, потому что сам он пока что решительно не в состоянии оказаться в царстве ножниц, расчесок, локонов и рассуждений о наилучших заклинаниях сохранения формы укладки.

– «Rescuell of the Historyes of Troye», – с выражением прочёл Кулиджанов. – Сочинение Рауля Лефевра, переведено и издано Уильямом Кекстоном в Брюгге, 1474 год от О.Д.

– Это какой язык? – спросил Алекс. – Я же должен знать...

– Старо-бритвальдский. Между прочим, это и в моём списке есть! Инкунабула, но, странным образом, не самая редкая. Как мне сказали, от тиража сохранилось около сотни экземпляров.

– Главное, чтобы она нужна была нашему Стервятнику.

– Грифу, – поправил Глеб.

– Да хоть зоркому соколу!

– Не нервничай так, – капитан-лейтенант поднял палец к небу. – Мы тебе о высоком, а ты ёрзаешь, будто на муравейнике сидишь.

Верещагин только рукой махнул:

– Продолжай, муравей... Трудолюбивый наш!

– И продолжу. А ты запоминай! Ита-ак... «Magnum Opus Incantamentum», сиречь «Великая книга заклинаний», написано епископом Исидором Гиспальским, издано в Страсбурге типографией Гюнтера Цайтера в 1476 году. Важный момент, – Кулиджанов вновь поднял палец к небу, но на сей раз лицо его было серьёзным. – Это книга под редакцией Фаустино Арвалло. Есть ещё более поздняя редакция Фульгенция Готского, но наша ценится выше. И ты должен об этом знать.

– Ладно, а что мы продаём?

– Продаём... «История живописи» Бенуа, издание 1912 года. Типография «Шиповник» в Москве.

– Слушай, но это же несравнимо! Инкунабулы пятнадцатого века – и почти современный альбом!

– В том-то и дело, что это не альбом! – усмехнулся капитан-лейтенант. – Это сборники отдельных брошюр, которые Александр Николаевич готовил к лекциям в университете. И полных сборников, из тридцати двух лекций, во всём Царстве Русь сохранилось всего шестьдесят два.

– Скажи честно, – заметил Глеб, оторвавшись от глянцевого кремово-белой карточки, на которой каллиграфически выписывал названия книг. – Скажи совсем честно, что это было единственное редкое издание, которое твоё начальство согласилось дать тебе с собой!

– Не важно! – Кулиджанов явно был недоволен. – Ты пишешь? Вот и пиши, нам через час выходить, а Алексу ещё пометки на карточках рисовать. Ну, единственное. Но не «согласились дать», а «сумели добыть в срочном порядке», почувствуй разницу!

– Слушаю и повинуюсь, о великий и несравненный, – фыркнул Никонов, вновь склоняясь над картотекой.

Старый антиквар и букинист был человеком богатым, даже очень богатым. И жил он вовсе не в центре Монакума, а почти в часе езды от Мариенплатц, в зелёном пригороде, на берегу реки Вюрм. Двухэтажный особняк под черепичной крышей прятался в саду, ограждённый от незваных посетителей высокой кованой решёткой, а от нескромных взглядов – зелёной изгородью. Экипаж остановился возле неприметной калитки, Кулиджанов расплатился с водителем и, дождавшись, когда тот уедет, присмотрелся к замку.

– Открывается из дома, – сообщил он спутникам. – Трогать просто так не стоит, там убойное заклинание висит.

– И не собирался, – сквозь зубы проговорил Алекс. – Вон кнопка, к ней-то никаких пако-стей не прицеплено.

И он ткнул пальцем в латунный кружок.

Через несколько минут у калитки появился высокий мужчина в черной униформе и вопросительно воззрился на гостей.

– Алексей Верещагин, – представился наш сыщик. – Назначено.

Молчаливый встречающий перевёл взгляд на двоих за спиной гостя.

– Охрана.

– Охрана останется здесь, – проговорил человек, и стало понятно, отчего он предпочитает молчать: голос у него был неприятный, писклявый и какой-то очень резкий.

– Нет, – покачал головой Алекс. – Я предупреждал господина Монтегрифо, что никуда не хожу без сопровождающих.

– Ждите, узнаю, – и человек в чёрном исчез так же внезапно, как и появился до этого.

– Если нас не пропустят, иди один, – почти неслышно сказал Кулиджанов. – А мы пока тут осмотримся.

Но страж ворот вернулся через короткое время и без слов приоткрыл калитку.

Маноло Пабло Эстебан Монтегрифо не стремился поразить воображение визитёров своими сокровищами. Коридор, по которому их провели, был практически пуст, лишь возле двери кабинета застыли потускневшие доспехи, слева – миланский, с разной формы и размера наплечниками, справа – кастенбруст, с особо длинной латной юбкой. Провожатый, слуга в зелёной ливрее, постучал в дверь. Она открылась – на пороге стоял высокий, очень худой рыжий мужчина.

– Господин Верещагин? Прошу вас, проходите.

И Алекс шагнул вперёд.

Хозяин дома был огромен. Кресло на колесиках, в котором он сидел, явно делалось на заказ, да в придачу ещё и усиливалось магически, а из его коричневого бархатного пиджака можно было бы сшить курточки для десятка не особо худеньких сироток.

Да и в оформлении кабинета аскетизма уже не наблюдалось: пара пейзажей в простенках между окнами навевала мысли о Коро и Моне, вазы на каминной полке явно несли на доньшке скрещенные мечи, а мебель была ровно такая, какую стоило ждать в кабинете преуспевающего антиквара. Но Алекс – и в соответствии с ролью, и по сердечной склонности – устремился к книжным шкафам, где и застыл в созерцании. Какое-то время оттуда доносились только несвязные восклицания типа:

– Пресвятой Тинурий, да у вас прижизненное издание пьес Кристофера Марло есть!

Монтегрифо какое-то время с доброй отеческой улыбкой наблюдал за восторженным посетителем, рыжий секретарь стоял за спиной своего патрона, Кулиджанов и Глеб замерли у входной двери. Наконец хозяйину надоела эта мизансцена, и он негромко кашлянул. Алекс немедленно оторвался от разглядывания сокровищ, повернулся к нему и развёл руками:

– Прошу простить, но прекраснее вашего собрания разве что Лауренциана в Медиолануме!

– Вы там бывали? – спросил Монтегрифо с нескрываемым интересом.

– О да! Впервые – ещё ребёнком, меня водил туда отец, он работал в Медиолануме некоторое время... Но прошу простить, я надолго задерживаю вас, а ведь пришёл по делу! – и Верещагин уселся в предложенное ему кресло.

– И так? – спросил букинист.

Молча Алекс протянул руку к инспектору Новикову, и тот вложил в неё бумажный паке-тик. Из пакетика сыщик извлёк пару белых перчаток из тонкого хлопка, натянул их и повернулся к своему второму охраннику. Кулиджанов эффектно прищёлкнул пальцами, сунул руку в открывшийся пространственный карман и вынул оттуда другой бумажный пакет, побольше. Пакет был раскрыт и явил на свет довольно толстый том в тёмно-синем кожаном переплёте с золотым тиснением.

– «История живописи всех времен и народов», – сказал Верещагин, раскрывая книгу на форзаце. – Первый том из четырёх, издание 1912 года. Готов предложить полный комплект для начала нашего сотрудничества.

Монтегрифо соединил кончики пальцев и с интересом посмотрел на лежащий перед ним том.

– Неплохо, – кивнул он. – Давайте обсуждать.

Если бы книга принадлежала самому Алексу, он бы сдался под напором торговца уже минут через пятнадцать. Но «История живописи» принадлежала неведомому благодетелю и должна была вернуться на своё место по окончании расследования, так что Верещагин, сжав зубы, насмерть держался названной им цены.

Хозяин кабинета разочарованно фыркнул и откинулся на спинку кресла.

– Я должен подумать, – сказал он. – Предложение интересно, но мой клиент точно рассчитывает на меньшую стоимость.

– Вы же понимаете, – развёл руками Алекс. – Я лишь посредник. Может быть, вас заинтересуют другие варианты?

Книга отправилась в бумажный пакет, пакет – в пространственный карман. Сыщик содрал с рук перчатки и бросил их в мусорную корзину, потом достал из кармана десять каталожных карточек и разложил их в две стопки:

– Вот это я бы хотел продать, – он указательным пальцем подвинул к Монтегрифо левую кучку. – А вот это – купить.

И повторил жест с оставшимися карточками.

– Для себя? – букинист поднял редкие седые брови.

– Есть книги для продажи, и есть те, которые следует оставлять себе, – покачал головой Алекс. – Я охочусь за первыми, чтобы когда-нибудь купить вторые. Но это время ещё не пришло.

Калитка мягко закрылась за их спинами, что-то прошуршало, и, когда инспектор Новиков обернулся, он увидел сплошную зелёную изгородь.

– Бережёт себя наш антиквар, – прищёлкнул он языком. – Ну, каковы впечатления?

– Потом поговорим, – покачал головой Кулиджанов. – Сейчас пойдём в отель, переоденемся и ужинать. Помнится, вы ещё утром страдали по колбаскам и пиву.

Алекс открыл было рот, чтобы сообщить, что переодеться ему не особо хочется, потом оглянулся на спрятавшийся за зеленью особняк и передумал.

Напрасно Суржиков опасался заходить в комнату, где колдовала над женскими головками Диана Мерсье. Да что заходить, ему и спускаться на первый этаж было страшновато... Но выход на сцену отменить невозможно, уважительной причиной может быть только смерть – и он, не дождавшись возвращения Кати, отправился в логово драконихи.

Все четыре дамы сидели за столом и, попивая чай из незнакомых чашек, разглядывали картинки в каком-то журнале. Когда на Влада уставились сразу четыре пары глаз, он даже попятился немного, но вдохнул поглубже и шагнул в комнату.

– Добрый день, – сказал герой, разглядывая женщин.

Вроде бы ничего не изменилось в причёске Барбары – те же тёмные волосы, вроде стрижка похожая, только почему-то глаза кажутся больше, брови выше, а улыбка ярче. И Софья в чём-то изменилась, даже и непонятно сразу, в чём, но стала краше...

– Дина, а это наш Влад, познакомься! – сказала Софья.

– Очень приятно, – Суржиков наконец вышел из ступора, даже к ручке гостыи приложился, за что удостоился одобрительного кивка Барбары. – Диана, мне бы поговорить с вами, можно?

– Можно! – она широко улыбнулась. – А подстричься не хотите?

– Да я как-то... вроде недавно совсем...

Он с некоторым изумлением вспомнил полутёмный подвал и нескончаемый поток людей в парикмахерской эконом-класса, где стригся незадолго до появления в его жизни Алексея Верещагина. Неужели это было всего две недели назад?

– Давайте-давайте, садитесь! – деловито скомандовала Диана.

– И правда, подстригись, Влад, – поддержала её Софья. – А мы с девочками пока пойдём и чай заново заварим.

Взлетела белая простыня, окутывая плечи, зазвенели возле уха ножницы, шею пощекотал откуда-то взявшийся сквознячок...

– Усы как подстричь? – спросил нежный голос.

– Как было, только подровняйте! – сурово ответил Влад.

Ещё два щелчка ножниц, и его развернули к большому зеркалу, невесть откуда взявшегося в этой комнате. Поразглядывая свое отражение, Суржиков медленно кивнул:

– Да... Пожалуй, теперь никто не отказал бы мне в роли принца Калафа... Спасибо, госпожа Мерсье!

И он вновь поцеловал ручку парикмахерши; та зарозовела.

– Так о чём вы хотели меня спросить, господин...

– Просто Влад, если вы не возражаете.

– Влад, – послушно повторила она. – Тогда я – Диана. А вы... вы ведь актёр, да?

– Видите ли, Диана, актёр я бывший, так сложилась жизнь. А сейчас я стал помощником частного детектива, так уж вышло...

Личико госпожи Мерсье вдруг замкнулось и стало строгим.

– Да? Как интересно, – сказала она фальшиво.

– К нам обратился господин Шнаппс, который очень беспокоится о своей супруге. Вы ведь дружите с Шарлоттой Германовной?

– Мы очень давно не виделись, – ответила женщина, не поднимая глаз.

– Диана, посмотрите на меня, пожалуйста, – Суржиков постарался вложить в голос всю убедительность, которую дала ему природа. – Каким бы ни был Альфред Францевич, жену он искренне любит и желает ей только добра!

– Ну да, конечно! Как он сам это добро понимает! – огрызнулась Диана. – Будто куклу себе завёл, платья покупает, драгоценности, а душу, душу понять?..

Сказано было, возможно, несколько коряво, но с большим чувством. За чувство это Влад и зацепился, и постепенно вытянул из госпожи Мерсье всю историю.

– Лотта – натура чуткая, впечатлительная, – всхлипывая, рассказывала парикмахерша. – Нет, я не хочу сказать, что Шнаппс с ней плохо обращался, но сами подумайте, она прочла печальную книгу и плачет. А он только посмеивается, мол, у нас-то с тобой всё хорошо, дорога! Можно ли так жить?

В ответ Суржиков мог лишь развести руками:

– Но всё же несколько лет они были рядом, и всё шло нормально?

– Да-а... Когда Лотте исполнился двадцать один, она решила, что хочет развивать магические способности.

– Шарлотта Германовна маг? Какая стихия?

– Понятия не имею! Но она всегда прекрасно рисовала, и портреты получались такие... говорящие. Понимаете? Посмотришь на него, и сразу понимаешь, хороший человек или плохой, весел или озабочен, и чем.

– Редкий дар! – искренне согласился Влад.

– Вот именно!

– Неужели Альфред Францевич запретил супруге заниматься?

– Нет! – вспыхнула Диана. – Не запретил, конечно, он ей ничего не запрещал! Но потребовал заниматься не с мэтром Гальвестоэлем, с которым договорилась Лотта, а с какой-то старушкой, потому что о мэтре, мол, слухи нехорошие ходят, что он девиц соблазнял и картины с них писал... ну, вы понимаете?

Скулы женщины явственно зарозовели.

– Гальвестоэль? Странное имя для эльфа... – Суржиков потянулся почесать затылок, но вспомнил о новой причёске и ограничился потиранием носа. – Ну да Тёмный с ним! А что же всё-таки произошло полгода назад, откуда взялась идея нового бога и особых молитв?

– А, да ерунда это! Подруга моя на улице какой-то старушке деньги подала, та в неё вцепилась и стала рассказывать, какая Лотта хорошая да как она свою жизнь губит, живя неправильно. Ну, Лотта сдуру и пошла послушать, что там их проповедник проповедует. Я говорила ей, что нечего глупостями заниматься, а она и отвечает – мол, неправда ты, Дина, кое в чём они верно рассуждают. Но главное, что она хотела – добиться, чтобы Шнаппс согласился с ней разъехаться. Тогда бы Лотта жила сама по себе и занималась, чем захочет.

– На какие деньги? – вырвалось у Влада.

– Она планировала свои картины продавать и на это жить. Только Шнаппс о разводе и слышать не захотел, наоборот – молельню ей устроил, и деньги для проповедника даёт. Давал. Не знаю, как сейчас, Лотка давно у меня не была...

Диана стала потихоньку собирать инструменты, в Суржиков задумался.

Изобразить кликушескую веру в некоего бога, запрещающего жить нормально? Для развода? Станный какой-то способ. Нет, ну ладно, день-два поприкидываться; ну, неделю; хорошо, месяц – но тут-то речь идёт более чем о полугоде! Так втянулась, что и вправду ударились в истовую веру? Странно, странно... а вот, кстати...

– Скажите мне, госпожа Мерсье, а рисовать Шарлотта Германовна продолжала всё это время?

Парикмахерша задумалась, прикусив палец, потом подняла глаза на сыщика:

– По-моему... Вроде бы нет... Ну, точно, не перестала – в начале апреля, я помню, она писала портрет старшего сына Шнаппса, в подарок к дню рождения.

– Ага... А отношения с пасынками не испортились у неё?

– Кажется, нет...

– Спасибо, Диана, вы очень мне помогли!

Как ни краснела госпожа Мерсье, пока Суржиков целовал ей руки, но от оплаты за свою работу не отказалась. Ему пришлось сбегать наверх, открыть сейф и достать оттуда один из замшевых мешочком с золотыми. Двести пятьдесят двойных дукатов мастер-парикмахер приняла без смущения, попросила обращаться ещё и упорхнула к вызванному экипажу. Влад же взглянул на часы – семь вечера, время детское! – и потянулся к коммуникатору.

– Сергей Иваныч? Вечер добрый, это Суржиков!

– А, Влад, и тебе не хворать! – рыкнул в трубке медвежий бас.

– Скажи, Сергей Иваныч, ты к нам наведаться не собираешься?

– А что, домовый ваш из странствий воротился?

– Нет пока, – хмыкнул актёр. – Но зато Софья, кажется, печёт яблочный пирог.

– Яблочный? Ну-ну... Через часок буду, ждите!

Сменить одни джинсы и джемпер на другие точно такие же было несложно, и уже через двадцать минут трое мужчин сидели за столиком в полупустом пока обеденном зале «Хитрого тролля». Столик располагался в нише и от большей части зала был закрыт пышным фикусом в горшке. Герр Шульце бросил на них взгляд из-за кухонной двери, и через мгновение возле голодных сыщиков уже стояла хорошенькая толстушка с блокнотом в руках.

– Значит, так, – сказал Кулиджанов, потирая руки. – Для начала по большой кружке келлербир и к нему чесночные гренки. Потом по тарелке гамбургского супа с угрём, и напоследок рульку с красной капустой. К рульке, пожалуй, стоит попробовать раухбир...

– Копчёное пиво тоже по кружке каждому? – карандаш летал по странице блокнота.

– Да, именно так.

– Одну минуту, господа! – девушка испарилась.

Алекс почувствовал, что от одних названий еды у него сводит желудок.

Официантка принесла и поставила перед каждым высокую керамическую кружку, почти до краёв которой поднималась белоснежная пена.

– Только вчера вечером привезли из Нюрнберга две бочки «Мюнхофа», – сказала она так, будто выдавала из симпатии страшный секрет. – И, уверяю вас, уже завтра не останется даже пены от него! А вот и ваши гренки, суп подам через десять минут.

Пиво пахло жареным чёрным хлебом, орехами, мёдом и почему-то ирисками из детства. Верещагин отпил первый глоток, жмурясь от удовольствия, и кинул в рот подсолённый квадратик чёрного хлеба.

– Итак, что вы думаете о нашем букинисте? – деловито спросил инспектор Никонов, когда кружки наполовину опустели, а на зелёные льняные салфетки перед друзьями опустились тарелки с исходящим паром супом.

– Мне показалось, что в нашу легенду он поверил, – ответил Алекс.

– Это мы завтра узнаем, – покачал головой Кулиджанов. – Уверяю тебя, что сейчас не один и не два его помощника разнюхивают, чтобы узнать о нас как можно больше.

– погоди, но ежели они копнут хоть чуть глубже, сразу узнают, кто мы такие! – приподнялся Верещагин. – Ну, про тебя, может, и не смогут разведать, а я-то весь как на ладони!

– Не волнуйся! – лениво ответил капитан-лейтенант. – Если уж я тебя решил втянуть в это дело, значит, прикрытое обеспечено. И имей в виду – Монтегрифо чрезвычайно законопослушен, его ни разу не поймали не то, что на преступлении, даже на переходе улицы в неправильном месте.

– Я думаю, что уже лет пятнадцать он и из дома-то не выходил, – меланхолически поправил его Никонов. – Так что никак не мог перейти не там...

После рульки и тёмного «копчёного» пива говорить никому не хотелось. Со вздохом Алекс выцедил из кружки последние капли и спросил:

– Билет на завтра беру? Всё-таки мне надо в Краков...

– Завтра и возьмёшь, – с неожиданной твёрдостью возразил Кулиджанов. – Если всё пройдёт как надо.

Когда последний ломтик яблочного пирога был доеден, Суржиков сказал:

– Сергей Иванович, поговорить бы, а?

– Поговорить? Ну, пойдём в кабинет... Когда Алекс-то вернётся?

– Да только вчера улетел, – вырвавшийся вздох был искренным. – А мне надо перед клиентом отчитываться, вот я и хотел посоветоваться с вами.

– Ну, советуйся, – с усмешкой разрешил Бахтин, усаживаясь в кресло.

В открытое окно лился аромат цветущей сирени, говорить о делах не было никаких сил, но Влад глубоко вздохнул и начал описывать историю бунта госпожи Шнаппс. Поскольку полночи он обдумывал дело, то и рассказало оно кратко, чётко и по существу. Выслушав начинающего сыщика, секунд-майор пару раз угукнул, потёр затылок и, наконец, сказал:

– Значит, заказ у вас был – найти, кто с пути истинного дамочку сбил. Что мы в этом смысле имеем?

– Что? – послушно повторил Суржиков.

– А имеем мы то, что заказ-то и не выполнен! Сам посуди: парикмахерша вроде бы и ни причём, так?

– Так.

– Ну вот, старушку ту, что о проповеднике сказала, ты и с собаками теперь не сыщешь. Сам проповедник тоже фигура сомнительная, ни имени его не знаем, ни даже в которого из богов он верует. И получается, что Шарлотта Германовна сама себе веру придумала, сама поверила, сама грехи придумывает и на себя же епитимьи накладывает, и никто ей для этого не нужен.

– И что же делать?

Тут усмешка с лица секунд-майора исчезла, и на мгновение из добродушного увальня-соседа, любителя пирогов, он превратился в сурового стража закона.

– Тебе – с дамочкой поговорить, проповедника выяснить и мне доложить. Клиенту скажи, что ещё день тебе нужен. Ну, а потом вместе решим, то ли с запретительными бумагами гнать его из Москвы, то ли внимания не обращать, а заняться самой Шарлоттой. Поговоришь с ней – заходи, я завтра весь день в кабинете просижу.

– Понял, – печально ответил Суржиков. – Так и сделаю.

Глава 3. 10 мая 2185 года от О.Д.

{«...если книга переплетена в пергамен, а не в телячью кожу, и поля у нее на три сантиметра шире обычного, это может поднять цену на тысячи».}

{Артуро Перес-Реверте, «Клуб Дюма, или тень Ришелье»}

Надо признаться, после вчерашней нервотрёпки и первого дня работы в одиночку Суржиков банально проспал. Кто-то заглядывал к нему в комнату, звал на разные голоса, подносил к носу невероятно пахучий кофе – наш герой спал, и его могучий равномерный храп был достойным ответом всем попыткам нарушить это прекрасное состояние души и тела.

В конце концов над самым его ухом кто-то гаркнул:

– Занавес! Суржиков, две минуты до занавеса, кончай ухо давить!

И тут Влад подлетел на кровати, судорожно хватая ртом воздух.

Разглядев, кто сидит в его любимом кресле, да ещё и посмеивается, он лишь печально покачал головой и пошёл в ванную, пробормотав:

– Бог тебя простит, Савелий. Или не простит.

К его возвращению на столе исходила паром чашка с кофе, рядом золотился поджаренный хлеб, свежее масло покрывалось капельками воды, и сливочник стыдливо приоткрывал желтоватую поверхность пенки.

– Ладно, – сурово заявил Суржиков, в один глоток выпив чашку кофе и неспешно пригубив вторую. – Говори, чего надо тебе, аспид!

Лицо незваного гостя, покрытое морщинами и складками, сложилось в умильную гримасу:

– Володечка, так ведь я ж не сам к тебе, меня общество послало!

– Какое общество? – подавил вздох Влад.

– Так труппа театра нашего, дорогой мой!

– Зачем, Савелий? Пять лет прошло, а я и сейчас помню, как на читке «Федры» аплодировали этому... шарлатану, который меня выгонял. И что, теперь труппа вспомнила, что был в ней такой актёр? Брось, Крамов, фигня это.

Старый лицедей посерьёзней, морщины и складки нарисовали совсем уж трагическую гримасу, а левый глаз стал косить куда-то в угол.

– Да разве ж в том дело, Влад, – сказал он тихо. – Плохо у нас, помощь твоя нужна.

– Я пять лет играл этого... который листовки раздаёт, так что, боюсь, более серьёзной роли уже не потяну, – Суржиков продолжал обижаться, хотя и понимал уже, что дело не в какой бы то ни было роли и даже не в главном режиссёре.

Резким жестом он отодвинул чашку, тем более что уже наелся.

– Рассказывай, что случилось.

– Ворует кто-то у нас за кулисами, – просто ответил Савелий. – Свой крадёт, понимаешь? Воруят и пакостят...

– И что украли? Выручку из кассы? Брильянты Мавлюдовой? Архив Дёминой?

– Если бы... – гость махнул рукой. – Самое дорогое тянут, что там брильянты...

– Ну так что, говори уже!

– У Виктории Мавлюдовой пропал розовый веер, с которым она всегда играет все костюмные роли, – начал загибать пальцы Крамов. – У Тихорецкого стащили гвоздь...

– Что, тот самый? Который он нашёл за кулисами на своём первом бенефисе? – перебил его Влад.

– Именно тот самый! Не знаю, помнишь ли ты, Эдик его всюду с собой таскал, считал главное счастливой приметой.

– Помню, и его, и веер... Ладно, а ещё что?

– Перед премьерой «Идеального мужа» во всех гримёрках перевернули коробки с пудрой и с румянами. Из костюмерной пропали счастливые туфли Золотова, а в бальном платье Золушки вырезали дыру в подоле. А недавно... знаешь, это было последней каплей! – тут Савелий покосился через плечо и зашептал: – Представь себе, первое представление новой современной пьесы, ждут массу высоких гостей, чуть ли не самого! – рассказчик поднял вверх указательный палец, что долженствовало показать высокий пост предполагаемого гостя. – И за полчаса до начала, как раз когда все настраиваются на роль, в коридорах возле гримёрок и у выходов на сцену обнаруживают листовки с цитатами из той самой шотландской пьесы!¹

Слова, которые вырвались у Суржикова в этот момент, мы опустим, но поверьте, собеседник его экспрессивность оценил и даже уважительно цокнул языком. Влад выдохнул и спросил:

– Ладно, а что главреж говорит?

– Ну, Сергей Степаныч сперва отмахивался, мол, сами потеряли. Потом хотел списать на мелкое хулиганство, мол, мальчишки какие-то пробрались и пакостят. Даже сторожа под это дело уволил и нового взял. Ну, а после шотландской пьесы... Он же её ставить собирался, представляешь?

Владимир кивнул. Много лет назад, даже не в прошлой, а в позапрошлой жизни, ещё в Пермь-Вычегодске, он как раз в роли Макбета и прославился, так что многое про это помнил.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Чего ты от меня хочешь?

– Ты сыщик? Ну, вот мы и хотим тебя нанять, чтобы ты вывел пакостника на чистую воду.

– Мы – это кто? С кем я договор заключать буду?

– Со старостой труппы. Дуайеном, так сказать. Это, собственно говоря, я и есть, – и Савелий Крамов приосанился.

– Дуайен, значит... – Суржиков потёр подбородок. – Давай так: мне нужно закончить дело, которое я сейчас веду, – сказал он, и сам удивился, как веско и уверенно это прозвучало. – Думаю, к завтраму я освобожусь и отчёт клиенту отдам. После чего зайду в театр и погляжу, что там и как. Имей в виду и передай... обществу, что услуги мои не бесплатны, берём мы пятьсот дукатов в день плюс расходы по делу. Без денег работать я не могу, у меня старший партнёр есть.

Судя по несколько поскучевшему лицу Савелия, он рассчитывал как раз на бесплатное обслуживание.

Впрочем, деваться старому актёру было некуда, без согласия на работу частного сыщика его бы в родной труппе с кашей съели, и он отбыл, уговорившись о времени встречи.

Было ли то результатом усталости после долгого перелёта, нервов из-за важной встречи или особой мягкости тёмного раухбира, но спали сыщики, словно младенцы. И никому не мешало то, что один храпел, другой говорил во сне, третьему же явно снилась погоня. Проснулись они поздно, спали бы и дольше, но в распахнутое по случаю тёплой погоды окно влетела птичка магвестника. Кулиджанов вынужден был пробудиться, а следом за ним и его товарищи: спать под звонкое возмущённое чириканье было совершенно невозможно.

Капитан-лейтенант открыл письмо, услышав последнее возмущённое «квиррр!», прочёл и вздохнул:

---

¹ Шекспировский «Макбет» считается среди актёров «проклятой» пьесой, даже произнести название или процитировать текст вне спектакля или репетиции – значит навлечь на себя невезение. Поэтому на всякий случай «Макбета» называют «шотландская пьеса» или «та самая пьеса Барда».

– Экземпляр «Метафраста», который попал к нам в руки, к королю Сигизмунду Августу никакого отношения не имел. Пометок нет.

Хмыкнув, Алекс потянулся, вскочил с кровати и пошёл в ванную, сказав лишь:

– После завтрака всё обсудим.

Торопиться им было некуда, и завтракали неспешно и обстоятельно. Когда в бездонном желудке инспектора Никонова исчез последний кусочек белой сосиски, Алекс сказал ехидно:

– Между прочим, шкурку полагается оставлять на тарелке, её местные не едят.

– Слушай, я всю ночь голодал! – с искренним возмущением ответил инспектор. – И неизвестно, когда удастся поесть следующий раз. Этот изверг ведь сейчас работать заставит, – и он кивнул в сторону Кулиджанова, как раз в этот момент о чём-то шепчущегося с хозяином.

– Заставит, – согласился Алекс, задумываясь, не съесть ли ещё сосиску.

От размышлений его отвлек капитан-лейтенант, бодрой походкой вернувшийся к их столу:

– Пошли работать. Господин Шульце принесёт нам ещё кофе для бодрости.

То ли у герра Шульце был тайный ход, то ли он пользовался порталами – неизвестно, но, когда сыщики пришли в свой номер, на столе уже стоял поднос с кофе, сливочником и горькой кренделей, называемых в Монакуме «брещель».

– Отлично! – сказал Кулиджанов, усаживаясь. – Итак, для начала о твоём беглом учителе. Я запросил городскую стражу Кракова о подробностях дела.

– И что, уже ответили?

– Разумеется! – в голосе представителя службы магбезопасности прозвучала явная нотка гордости. – Итак... Василий Таунен был арестован городской стражей Кракова по подозрению в краже, совершённой в доме известного коллекционера Мечислава Войтыцкого. В настоящий момент Таунен отпущен по подписку о невыезде, так как за него поручился уважаемый гражданин Кракова.

– И что он пытался украсть? – с долей скепсиса спросил Алекс.

– И кто этот уважаемый гражданин? – в тот же момент поинтересовался Никонов.

Они сердито посмотрели друг на друга, капитан-лейтенант усмехнулся и ответил:

– Уважаемый гражданин – владелец антикварно-букинистической лавки пан Тадеуш Красницкий. Он поручился за подозреваемого и поселил его в своём доме. А украсть он пытался, по словам Войтыцкого, большой раритет, драгоценную книгу 1558 года издания Эльзевира, «Готская руническая письменность...». Ваш хороший знакомый, Симеон Метафраст.

– Что, опять? – простонал Алекс. – Мы от этой книги никогда не избавимся...

Кулиджанов развёл руками. Он сохранял суровый вид истинного розысника, но глаза смеялись.

– Так получается, что книга не в Монакуме, а в Кракове? – поинтересовался Никонов.

– Слушай, был напечатан тираж! Пятьсот экземпляров, конечно, совсем немного, но и покупали нашего Метафраста только маги. А они живут долго, и книгами не разбрасываются, поэтому могла сохраниться большая часть тиража. Мы ищем следы не просто «Готской рунической письменности», а том с пометками короля Сигизмунда Августа.

– И не только мы, – меланхолично заметил инспектор и протянул руку к последнему кренделю.

Алекс опередил его, быстро схватил выпечку и откусил краешек.

– Солёный, да со сладким кофе – красота! – сказал он. – Ты прав, Глеб, не только мы. Так что было бы лучше, если бы эта книга оказалась у Монтегрифо, её бы конфисковали, да и дело с концом.

Тут у Кулиджанова просигналил коммуникатор, он посмотрел на экран и ответил. Разговор был явно неприятный, капитан-лейтенант повторял только «да» и «нет» и мрачнел с каждой фразой. Наконец он отключил коммуникатор, отложил его в сторону и сообщил:

– Класхофен ушёл от наблюдения, избавился от фиксирующего амулета и исчез из Москвы.

Верещагин выругался, инспектор с досадой плюнул.

– Ну ясное дело, эти обалдуи расслабились... Говорил я, надо его за решёткой держать! Нет, разрешили домашний арест, как же – пожилой человек, вдруг плохо станет...

– Надо будет, когда снова Класхофена возьмём, сообщить ему, что его охарактеризовали как пожилого! – развеселился вдруг Кулиджанов. – Авось сдохнет от злости!

– И когда это произошло?

– Примерно в тот момент, когда мы устраивались поудобнее в дирижабле.

– Погоди, но это ж позавчера! А почему только сегодня сообщили?

– А потому, что этот... пожилой антиквар, прострел ему в поясницу, сказал, что заболел, простудился, плохо ему, и попросил не беспокоить. Амулет показывал, что он на месте, вот ребята и уважили просьбу.

– Лопухи, – подвёл итог Никонов. – А мы предупреждали...

В этот момент в открытое окно влетел магвестник и приземлился на стол перед Алексом.

– Надо же, какая у нас сегодня активная переписка! – хмыкнул он. – И что тут у нас?

Белая птичка превратилась в записку: в витиеватых выражениях господина Верещагина просили пожаловать в особняк Маноло Пабло Эстебана Монтегрифо к семи часам вечера, дабы завершить обсуждение сделки. Приписка рекомендовала вечерний костюм, так как господин Верещагин приглашается также и на коктейль в дружеской компании, который последует после переговоров.

Приглашённый счастливым не выглядел.

– Тю-ю! – присвистнул он. – Вечерний костюм! Я с собой смокинг не брал, только джинсы и куртку...

– Ерунда. Если не найдём в прокате, заглянем в нашу костюмерную, – махнул рукой капитан-лейтенант. – Полагаю, в запасниках Службы магбезопасности найдутся три комплекта нужного размера.

– Тогда лучше с костюмерной и начать, – предложил Никонов. – Не знаю, как у тебя, а мои командировочные аренду смокингов и фраков не предполагали, а Алекс и вообще за свой счёт поехал. Экономить будем!

Когда Суржиков проводил гостя, часы показывали начало одиннадцатого. Он вздохнул, но достал коммуникатор и набрал номер господина Шнаппса.

– Альфред Францевич, если я через час подойду, сможет супруга ваша уделить мне время? А к вам бы я вечером подошёл, уже с отчётом.

– Приходите, Владимир Иванович, с Логтой я поговорил, ждёт она вас. А отчёт... Эх, неудобно мне вечером, дела семейные. Давайте завтра с утра? В восемь, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.